

ОТ АВТОРА РОМАНОВ
«МЭРИ БАРТОН» И «СЕВЕР И ЮГ»

КЛАССИЧЕСКИЙ ВИКТОРИАНСКИЙ
РОМАН

Англия, конец XVIII века.

Страна охвачена ужасом из-за нарастающей военной мощи французов. Английскому флоту нужны моряки. И Адмиралтейство дает ордера на принудительную вербовку матросов. Молодых людей хватают прямо на улицах и связанными доставляют на корабли. В предвоенном хаосе юная дочь фермера Сильвия влюбляется в красивого матроса-гарпунщика Чарли Кинрейда, в то время как чопорный и идеальный во всем Филипп, кузен Сильвии, сторает от неразделенной любви к ней. Любовный треугольник ранит острыми углами. Но в жизни героев врываются вербовщики, и хаос большой истории калечит судьбы влюбленных. Лишь пройдя все испытания, раскаявшись и смирившись, преодолев невыносимую пропасть между долгом и желанием, Сильвия делает выбор.

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-9079-2

9 786171 290792

Поклонники
Сильвии

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛ

Поклонники
Сильвии

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛ

КСД

ELIZABETH GASKELL

SYLVIA'S
LOVERS

A NOVEL

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

ПОКЛОННИКИ
СИЛЬВИИ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 КСД

УДК 821.111
Г22

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Ф. К. Винтерхальтера «Графиня Орлова-Денисова» (1853)
и Б. К. Куккука «Горный пейзаж» (1848)

Перевод с английского Александра Оржицкого

ISBN 978-617-12-9079-2

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Эта книга посвящается
МОЕМУ ДОРОГОМУ МУЖУ
той, кто ценит его больше всех на свете.

Глава I

Монксхэйвен

На северо-восточном побережье Англии стоит городок под названием Монксхэйвен, в наши дни насчитывающий около пятнадцати тысяч жителей. В конце прошлого века, однако, число это было меньше в два раза, и именно тогда произошли события, изложенные на страницах этой книги.

Монксхэйвен сыграл свою роль в английской истории, и в городке бытовало предание, что именно он стал местом высадки лишенной трона королевы. В ту пору над ним возвышался укрепленный замок, чье место теперь занимает покинутое имение; во времена же, предшествовавшие даже прибытию королевы, к коим восходят древнейшие из замковых руин, на скалах сих стоял огромный монастырь, высившийся над бескрайним океаном, сливавшимся с небесами у далекого горизонта. Сам же Монксхэйвен вырос на берегу реки Ди, в том самом месте, где она впадает в Германский океан¹. Главная улица города проходила параллельно реке, а между ответвлявшимися от нее по склонам крутого холма улочками поменьше и самой рекой уютись дома горожан. Через Ди был переброшен мост, по которому со временем пролегла Бридж-стрит, под прямым углом пересекавшая Хай-стрит; на южном берегу реки стояло несколько домов более претенциозного вида, вокруг которых раскинулись сады и поля. Именно в этой части города жила местная аристократия. Кем же были лучшие люди этого маленького городка? Нет, они не были

¹ Одно из названий Северного моря. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

представителями младших ветвей семейств, унаследовавших титулы и поместья на краю диких, мрачных болот, кои подобно морю отделяли Монксхэйвен от остальной части суши. Отнюдь нет. Залогом благосостояния сих старинных семей было не самое почетное, но увлекательное ремесло, приносившее богатство целым поколениям некоторых монксхэйвенских родов.

Магнатами в Монксхэйвене были те, кто мог похвастать наиболее многочисленными флотилиями китобойных судов. Жизнь родившегося в городке и принадлежавшего к сему социальному классу юноши в целом сводилась к следующему: он поступал в обучение на корабль, принадлежавший одному из крупных судовладельцев — возможно, его собственному отцу — вместе с парой десятков или даже бóльшим числом ровесников. В летние месяцы они отправлялись в плавание в Гренландское море, а ранней осенью возвращались оттуда с грузом; зиму юноша проводил, следя за вытапливанием жира из ворвани и осваивая навигацию под началом какого-нибудь чудаковатого, но опытного учителя, полунаставника, полуморяка, приправлявшего уроки рассказами о буйных похождениях своей юности.

В мертвый сезон, длившийся с октября по март, жилище судовладельца, к которому юноша поступал в обучение, становилось пристанищем для него самого и его одноклассников. Положение юношей в этом доме зависело от того, какая сумма была уплачена за их обучение; одни считались ровней хозяйским сыновьям, другие стояли ненамного выше слуг. А вот на борту судна все были равны и возвыситься над остальными можно было лишь благодаря смелости и уму. Совершив определенное число плаваний, монксхэйвенский юноша мог дослужиться до капитана — ранга, дававшего ему долю в прибылях с продажи груза; если ему не повезло родиться сыном судовладельца, деньги эти, равно как и его собственные

сбережения, шли на постройку собственного китобойного судна. Ко времени написания этой книги разделения труда в монксхэйвенском китобойном промысле почти не было. Один и тот же человек мог владеть шестью-семью китобойными судами, каждым из которых мог самостоятельно командовать благодаря своему образованию и опыту, иметь пару десятков учеников, кои не скупились на оплату, и являться собственником топлин, куда доставлялись ворвань и китовый ус для последующей продажи. Стоит ли удивляться, что судовладельцы подобного рода накапливали большие состояния, позволявшие им возводить на южном берегу реки Ди величавые, роскошно обставленные особняки, и что весь городок создавал впечатление чего-то плавучего — даже в большей мере, чем это бывает с морскими портами? Жизнь его обитателей зависела от китобойного промысла, и каждый мужчина здесь был или надеялся стать моряком. Бывали месяцы, когда в низовьях реки стоял смрад, невыносимый для всех, кроме жителей Монксхэйвена; местные же старики и дети слонялись по грязным причалам часами, так, словно запах китового жира был для них чудеснейшим из благовоний.

Впрочем, хватит рассказывать о самом городе. Как я уже упоминала, на мили вокруг него раскинулись топи; над морем возвышались фиолетовые утесы, чьи вершины устилал дерн, тянувшийся вниз по склонам подобно травянистым прожилкам. То тут, то там сквозь каменистую породу пробивались впадавшие в море ручьи; за многие века их течение образовало довольно широкие долины. В долинах этих, как и в болотных лощинах, царствовала буйная растительность; взобравшись на голую вершину, вы содрогались от вида распростершейся вокруг пустынной глуши; однако стоило вам спуститься в одну из таких «низин», как вас охватывало чарующее ощущение уюта и защищенности.

И все же за пределами этих немногочисленных плодородных долин болота простирались на многие мили: безрадостный пейзаж с видневшимися то тут, то там вкраплениями красного песчаника среди редкой травы; через болота тянулась не такая уж безопасная бурая тропа из торфа и грязи, по которой можно было срезать путь; песчаные возвышенности устилал пурпурный вереск, одно из самых распространенных растений этого семейства, произрастающий в прекрасной глухомани. Кое-где землю покрывала сочная, пружинящая трава, на которой паслись маленькие овцы с черными мордами; виной ли тому столь скудный корм или же причина заключалась в их поистине козлиной прыти, однако овцы эти были слишком тощими для того, чтобы заинтересовать мясника, а их шерсть — слишком низкокачественной, чтобы приносить доход владельцам. В таких местах и в наше-то время мало кто живет, а в прошлом веке, до того, как сельское хозяйство стало делом, способным благодаря науке бороться со скудными болотистыми почвами, и до появления железных дорог, позволивших съезжаться охотникам из других краев, благодаря чему каждый год возникал сезонный спрос на жилье, тамошнее население было еще малочисленнее.

В долинах возвышались старинные каменные усадьбы, а на болотах то тут, то там стояли убогие фермерские домишки, во дворах которых виднелись стога никудышного сена и большие кучи торфа, служившего зимой для обогрева. На окрестных полях пасся скот, принадлежавший владельцам этих жилищ; коровы выглядели тощими, однако, как и у упомянутых ранее черномордых овец, в их мордах было что-то странно умное, непохожее на безмятежно-тупое выражение, столь присущее откормленным животным. Заборы представляли собой каменные стены с дерном у основания.

Немногочисленные зеленые долины были довольно изобильны и плодородны. Тянувшиеся вдоль ручьев узкие луга, казалось, могли накормить коров сочной травой, а вот редкая поросль на возвышенностях едва ли стоила усилий, затраченных на ее поиски. Впрочем, даже в «низинах» непрестанно дувшие с моря пронзительные ветра не позволяли деревьям расти; и все же подлесок там был довольно густым; он рос вперемежку с ежевикой, шиповником и жимолостью; если же жена или дочь фермера, жившего в одной из этих вполне счастливых долин, увлекалась садоводством, то с западной или южной стороны грубого каменного дома было немало цветов. Впрочем, в те времена садоводство в Англии было не слишком популярно, а в северной части страны не обрело популярности до сих пор. Знать и джентльмены выращивают красивые сады, но вот фермеров и поденщиков к северу от Трента все это, уж поверьте, интересует мало. Несколько ягодных кустов, пара кустарников черной смородины, листья которой кладут в чай, а плоды используют для лечения простуды, грядка картофеля (в конце прошлого века он еще не был распространен так, как сейчас), высаженная в ряд капуста, куст шалфея, мята, чабрец, майоран и иногда розовый куст или лечебная полынь; небольшая грядка грубого лука и кое-где ноготки, лепестками которых приправляют бульон из говяжьей солонины; именно так выглядел типичный сад зажиточного фермера тех времен в краю, о котором пойдет речь в моем рассказе. Однако и в двадцати милях от побережья все напоминало о море и морском промысле; негодные в пищу моллюски, водоросли и китовые внутренности шли в этих краях на удобрения; жутковато белевшие гигантские челюсти китов служили воротами для многих полей, обнесенных оградами, отделявшими их от вересковых пустошей. В фермерских семьях, где росло несколько сыновей, один обязательно

становился моряком; можно было увидеть, как матери таких семейств с тоской смотрят в сторону побережья и вслушиваются, не изменится ли тональность свистевшего над пустошами ветра. Традиционным местом для праздничных прогулок также было побережье; вглубь страны местные жители отправлялись крайне редко, исключая разве что время больших конных ярмарок, проводившихся каждый год там, где мрачные пустоши уступали место населенным возделываемым землям.

Что бы ни было тому причиной, однако море в этих краях занимало помыслы даже тех людей, которые жили вдали от побережья, в то время как в других частях нашего острова о соленой воде почти не вспоминали уже в пяти милях от берега. Главной причиной этого, несомненно, был великий промысел у берегов Гренландии, коим жили все прибрежные городки. Впрочем, в описываемый мной период море также служило причиной всеобщего страха и раздражения.

После окончания Американской войны¹ содержание флота не требовало экстраординарных усилий, а потому расходы на него сокращались с каждым мирным годом. В 1792 году эта сумма достигла минимума. Однако в 1793 году во Франции разразились события, пожар от которых запылал по всей Европе; англичане пришли в антигалльское исступление, кое королевский двор и его министры всеми силами старались направить в нужное русло. У нас имелись корабли, но где же были наши люди? Впрочем, у Адмиралтейства тут же нашлось готовое решение, опиравшееся на многочисленные прецеденты и нормы если не статутного, то общего права. Оно выпустило «вербовочные ордера», призывая гражданские власти по всей стране оказывать своим офицерам всяческое содействие в исполнении их долга. Побережье раздели-

¹ Речь идет о Войне за независимость США (1775–1783).

ли на регионы, возглавляемые капитанами военно-морского флота; каждый из таких регионов, в свою очередь, делился на участки, возглавляемые лейтенантами; все возвращавшиеся домой корабли ожидали, каждый порт находился под наблюдением; при необходимости флот его величества в любой момент можно было пополнить большим числом новых рекрутов. Однако чем больше возрастали потребности Адмиралтейства, тем неразборчивее в средствах оно становилось. Если человек не был моряком, но обладал физической силой, моряка из него можно было сделать в два счета; стоило ему оказаться на борту посыльного судна, которое всегда стояло неподалеку в ожидании успеха вербовщиков, и пленнику было очень сложно доказать природу своих прежних занятий, особенно потому, что никто не хотел его слушать, а даже выслушав, не стал бы предпринимать никаких мер для его освобождения. Похищенные люди исчезали, и никто никогда о них больше не слышал. Улицы оживленных городов стали небезопасными, в чем на собственном опыте убедился лорд Терлоу, когда во время прогулки по Тауэр-Хилл его, генерального прокурора Англии, насильно завербовали. У Адмиралтейства были свои методы борьбы с надоедливыми жалобщиками и истцами. Одинокие обитатели внутренних районов острова подвергались не меньшей опасности: немало сельских жителей, отправляясь на статутные ярмарки¹, именовавшиеся в народе «швабрами», так никогда оттуда и не возвращались, чтобы сообщить родным о своем найме; немало крепких фермеров не вернулись к отцовскому очагу, о многих из них больше не слышали их матери и возлюбленные. Такова была нужда в новых рекрутах в первые годы войны с Францией и после каждой значимой морской победы в той войне.

¹ Ярмарки, где слуги могли наняться на работу.

Служащие Адмиралтейства устраивали засады на грузовые и торговые суда; было немало случаев, когда возвращавшиеся домой после долгого отсутствия корабли с богатым грузом брали на бордаж в нескольких днях пути от суши, после чего из их команды насильно вербовали так много людей, что управлять столь тяжело нагруженным кораблем становилось просто невозможно и его уносило обратно в бескрайний океан; случалось, такие суда находили под управлением пары слабых и несведущих матросов, а бывало, о них никогда больше не слышали.

Моряков забирали из-под носа у родителей и жен и часто лишали денег, заработанных тяжким многолетним трудом, — они оставались в распоряжении торговцев, которым служили эти люди. Сегодня подобная тирания (иного слова я подобрать просто не могу) кажется нам немислимой; сложно представить, что нация, пусть даже охваченная воинственным энтузиазмом, боявшаяся вторжения или исполненная подобострастного верноподданничества, мирилась с этим так долго. Когда мы читаем о том, как армию призывали в помощь гражданским властям для проведения насильственной вербовки, о патрулировавших улицы солдатах, о дежуривших у двери часовых со штыками, пока вербовщики обыскивали в доме каждую щель, каждый угол, когда слышим о том, как церкви окружали во время богослужений, пока вербовщики ждали у порога, чтобы схватить выходящих со службы прихожан, и понимаем, что все это — совершенно типичные примеры того, что происходило повсеместно, мы волей-неволей перестаем удивляться жалобам лорд-мэров и прочих представителей гражданских властей на то, что торговая деятельность почти прекратилась из-за опасности, которой торговцы и их слуги подвергались, выходя из своих домов на улицы, кивавшие вербовщиками.

Была ли причиной тому бóльшая близость к метрополии — политическому и новостному центру, — наполнявшая жителей южных графств той разновидностью патриотизма, что зиждется на ненависти ко всем прочим странам, гораздо больший риск быть пойманным в южных портах, приучивший команды торговых судов к чувству опасности, или же привычное для городов вроде Портсмута или Плимута восприятие службы на флоте как чего-то романтического и открывающего путь к славе, однако правда заключается в том, что южане приняли гнет насильственной вербовки с большей покорностью, чем дикие обитатели северо-востока. Для них доходы, не связанные с китобойным промыслом в открытом море или у берегов Гренландии, превращали моряка в личность презренную, ведь благодаря собственным смелости и расчетливости он мог сам стать судовладельцем. Многим вокруг это удавалось и размывало границы между социальными классами; общее дело и пережитые вместе опасности, выгода, которую каждый получал, достигнув цели, к которой стремился вместе с остальными, — все это создавало между жителями побережья крепкие узы, и попытки внешних сил разорвать их вызывали пламенный гнев и жажду мести. Один йоркширец как-то сказал мне: «У нас в графстве все одинаковы. Сопротивляться — в нашей природе. Почему? Да потому, что, услышь я, как кто-то говорит, что денек хороший, я тут же попытаюсь найти доказательства того, что на самом деле он скверный. У нас это в мыслях, словах и делах».

Можете себе представить, как нелегко приходилось вербовщикам на йоркширском побережье. В других местах они вызывали страх, здесь же — лишь ярость и ненависть. 20 января 1777 года лорд-мэра Йорка предупредили в анонимном письме, что «если этих людей не отошлют прочь из города до следующего вторника, то и жилище, и имение его светлости будут сожжены дотла».

Возможно, такая враждебность отчасти объяснялась обстоятельством, которое мне довелось приметить и в иных местах, расположенных сходным образом. Там, где владения джентльменов, происходивших из древних родов, однако не имевших больших доходов, окружают центр прибыльной торговли либо производства, помещики испытывают скрытую неприязнь к купцам, будь те производственниками, торговцами или судовладельцами, в чьих руках сосредоточена сила денег, не ограниченная дворянской спесью или джентльменской любовью к ничегонеделанью. Неприязнь эта, по правде говоря, носит большей частью пассивный характер, выражаясь обычно в безмолвии и бездействии, эдаком апатичном и жеманном игнорировании неприятных соседей; однако в последние годы описываемого мной периода монкскэйвенские китобои стали столь дерзко и бесцеремонно успешными, а монкскэйвенские судовладельцы — столь богатыми и влиятельными, что сквайры, ведущие праздную жизнь в своих старинных каменных поместьях, разбросанных по окрестным вересковым пустошам, решили, что узда, коей насильственная вербовка должна была стать для монкскэйвенской торговли, являлась замыслом высших сил (насколько высшими, по их мнению, были эти силы, я предположить не берусь), призванным замедлить богопротивное обогащение, и что они лишь исполняли свой долг, используя свое положение в обществе для содействия Адмиралтейству всякий раз, когда их об этом просили и когда они могли оказать подобное содействие, не прилагая чрезмерных усилий в вопросах, которые их по большому счету не касались.

Наиболее расчетливые члены семейств, где было несколько дочерей, руководствовались также еще одним соображением. Командовавшие вербовкой капитаны и лейтенанты слыли в большинстве своем завидными женихами благородной профессии; они были по меньшей

мере весьма приятными гостями, которые могли заглянуть на огонек, когда у них выдавался свободный день, и кто знал, чем закончится подобный визит?

Да и отношение к этим бравым воинам в самом Монксхэйвене нельзя было назвать неприязненным, исключая моменты, когда они вступали в прямую конфронтацию с местными жителями. Офицеры отличались подкупающей прямолинейностью, присущей людям их профессии, были известны участием в делах, одно упоминание о которых до сих пор способно согреть сердце любого квакера, и не слишком гордились своей причастностью к грязной работе, которая велась с их молчаливого согласия. Потому, в то время как мало кто из жителей Монксхэйвена проходил мимо приземистого трактира с развевавшимся над ним синим флагом (знаком того, что заведение являлось местом сбора вербовщиков), не сплунув в знак отвращения, большинство из них, встречая на Хай-стрит лейтенанта Аткинсона, коротко кивали ему в знак уважения. Касаться края шляпы в тех краях было не принято, а вот чудной полупоклон служил знаком дружеского расположения. Судовладельцы иногда приглашали лейтенанта на обед или на ужин, однако, памятуя о том, что он в любой момент мог превратиться во врага, не собирались позволять ему чувствовать себя «как дома», сколько бы незамужних дочерей у них ни было. И все же благодаря тому, что лейтенант умел рассказывать увлекательные истории, был способен перепить почти кого угодно и всегда с радостью навещался в гости, в Монксхэйвене к нему относились лучше, чем можно было предположить. Основная доля ненависти, вызываемой деятельностью Аткинсона, доставалась его подчиненным, коих в народе считали гнусными похитителями и согладатаями и называли «вредителями»: вербовщики в любое время готовы были охотиться на местных и всячески им досаждают, совершенно не беспокоясь о том, что о них

думают. Уж в чем в чем, а в трусости их нельзя было упрекнуть. За ними стоял закон, а значит, и их деятельность была законной. Они служили королю и стране. Эти люди пускали в ход все свои возможности, что всегда приятно. Перехитрить другого — дело славное и позволяющее почувствовать триумф. Их жизнь была полна приключений, а работа — законна и угодна короне, требовала ясного ума, готовности действовать и смелости; вдобавок каждому присуща страсть к преследованию. Милях в четырнадцати-пятнадцати от берега на рейде стояла «Аврора», славный военный корабль, на который несколько посыльных судов, расположившихся в наиболее стратегически выгодных точках вдоль побережья, свозили живой груз. Одно из них, «Бойкую леди», можно было заметить с возвышавшихся над Монксхэйвеном скал: корабль стоял недалеко от берега, однако скрывавший его высокий мыс позволял судну не попадать в поле зрения горожан. А еще был «Рандеву-хаус» (так местные прозвали уже упоминавшийся трактир с синим флагом), где заседала команда «Бойкой леди», приглашавшая неосторожных путников пропустить стаканчик. На то время деятельность вербовщиков этим и ограничивалась.

Глава II

Возвращение из Гренландии

Теплым октябрьским днем 1796 года две девушки, выйдя из своих сельских домов, отправились в Монксхэйвен, чтобы продать масло и яйца, ведь обе они были дочерьми фермеров; впрочем, жизненные обстоятельства их были различными: Молли Корни происходила из многодетной семьи и с малых лет привыкла к лишениям; Сильвия Робсон была единственным ребенком, так что даже чужие люди относились к ней с большей теплотой, чем к Мэри¹ — ее пожилые родители. Продав свой товар, девушки собирались отправиться за покупками: в те дни торговли продавали масло и яйца, первую половину дня сидя у подножия старого разбитого креста, после чего, если им не удавалось распродать все, что у них было, с неохотой отправлялись в магазины, чтобы сбить остатки по сниженной цене. Впрочем, хорошие хозяйки часто навевались к Масляному кресту, где, нюхая и ругая интересовавший их товар, вступали в бесконечные словесные баталии в зачастую безуспешных попытках сбить цену. В прошлом веке, если женщина не торговалась на рынке, о ней могли подумать, что она просто не знает, как вести хозяйство; фермерские жены и дочери тоже считали это в порядке вещей; они отпускали шуточки собственного сочинения в адрес клиенток, которые, узнав, где продаются хорошее масло и свежие яйца, приходили туда раз за разом, вновь и вновь ругая товар и вновь и вновь его покупая. В те дни такое занятие было для них чем-то сродни отдыху.

¹ Ставшее в наше время самостоятельным, имя Молли изначально было производной формой от «Мэри».

Чтобы не забыть о покупках, которые ей предстояло сделать, Молли завязала по узелку на своем платке в розовую крапинку: ничем не примечательные, однако необходимые товары на всю неделю; забудь она хотя бы об одном из них, ей бы влетело от матери по первое число. Из-за этих узелков платок Молли стал похож на девятихвостую плеть, именовавшуюся на флоте «кошкой»; впрочем, ни одна из покупок не предназначалась для какого-либо конкретного члена многочисленной семьи Корни. Они могли позволить себе тратить деньги лишь на общие нужды, и об ином никто особо не задумывался.

У Сильвии все было иначе. Ей предстояло впервые выобрать себе плащ, а не получить старый, четырежды перекрашенный материнский, который уже успели поносить две старшие сестры (впрочем, Молли была бы рада даже такому). Новехонький шерстяной плащ. Ее собственный. Причем родители не ограничили ее в цене покупки, так что Сильвии оставалось лишь выслушивать советы восхищенной Молли — советы дружеские, хоть и не лишённые затаенной зависти к более удачливой подруге. Разговор то и дело уходил в сторону, однако Сильвия вновь и вновь возвращалась к рассуждениям о преимуществах серого и алого цветов. Первую половину пути девушки проделали босиком, неся башмаки и чулки в руках, однако, приблизившись к Монксхэйвену, остановились и свернули на тропинку, спускавшуюся от главной дороги к реке Ди. В том месте были огромные камни, у которых вода бурлила, образуя глубокие заводи. Сев на прибрежную траву, Молли принялась мыть ноги, а вот более живая (или, быть может, просто более веселая благодаря мыслям о плаще) Сильвия, поставив корзину на каменистый участок берега, перепрыгнула на валун, выступавший из-под воды почти посередине реки. Оказавшись на камне, девушка с поистине детским восторгом принялась бить ногами по быстрой холодной воде, окуная в нее маленькие розовые пальчики.

— Давай-ка потише, Сильвия. Ты меня с ног до головы забрызгаешь, а мой папая, в отличие от твоего, навряд ли сподобится подарить мне новый плащ.

На мгновение Сильвия замерла, пусть и не слишком устыдившись. Вытащив ноги из воды, она, словно желая избежать соблазна, отодвинулась подальше от Молли, усевшись на той стороне валуна, где поток был помельче из-за усеивавших дно камней. Однако стоило девушке отвлечься от игры, как мысли ее тут же вернулись к главному — к плащу. Еще минуту назад оживленная, полная игривости и озорства, Сильвия теперь сидела на камне в неподвижной задумчивости, скрестив ноги подобно маленькой султанше.

Молли вымыла ноги и неспешно натягивала чулки, как вдруг до нее донесся внезапный вздох; обернувшись к ней, Сильвия произнесла:

— Дался же матушке этот серый цвет!

— Да ладно тебе, Сильвия; когда мы поднялись на пригорок, она всего-то попросила тебя дважды подумать, прежде чем покупать алый плащ.

— Ай! Матушка говорит мало, но веско. Батюшка у нас разговорчивый, прямо как я, а вот из нее слова лишнего не вытянешь. Так что если уж она говорит, то всегда по делу. Вдобавок, — произнесла Сильвия удрученным тоном, — матушка велела мне спросить совета у кузена Филипа. Не люблю слушать советы мужчин в таких делах!

— Ну, если мы будем и дальше здесь рассиживаться, то до Монксхэйвена сегодня так и не доберемся и не успеем ни яйца продать, ни плащ купить. Солнышко скоро начнет клониться к закату. Идем, девонька, идем.

— Но если я натяну чулки и обуюсь, а потом прыгну обратно на мокрые камни, мне нельзя будет показаться на людях, — захныкала Сильвия с забавным детским смущением.

Поднявшись, она твердо стояла босыми ногами на покатоке валуне; ее изящная фигурка выглядела так, словно девушка собирается сделать прыжок.

— Знаешь, ты ведь можешь перескочить босиком, а потом снова вымыть ноги — вот и все; тебе с самого начала нужно было сделать так же, как я и как на моем месте сделал бы любой здравомыслящий человек. Экая ты несмышленная!

Тут же перепрыгнув на берег, Сильвия прервала тираду Молли взмахом руки:

— Не надо меня поучать. Я не люблю проповедей. У меня будет новый плащ, девонька, и лекции мне не нужны. Смышленность можешь оставить себе, а мне хватит и плаща.

Уж не знаю, сочла ли Молли такой обмен равноценным.

На девушках были облегающие чулки, собственноручно связанные каждой из них из популярного в тех краях синего гаруса, и закрытые черные кожаные башмаки на высоких каблуках с блестящими стальными пряжками. Обувшись, подруги двигались уже не так легко и свободно, однако походка их по-прежнему была пружиниста и полна энергии, свойственной ранней юности: полагаю, ни одной из них тогда не исполнилось еще и двадцати лет; Сильвии на тот момент, вероятно, и вовсе было не больше семнадцати.

Пробравшись по крутой травянистой тропинке сквозь подлесок и заросли цеплявшейся за клетчатые юбки ежевики, девушки оказались на главной дороге, где, как у них это называлось, «привели себя в порядок»: сняли черные войлочные чепцы, вновь заплели растрепавшиеся волосы, как следует отряхнулись от дорожной пыли; каждая расправила свою маленькую шаль (или, если хотите, большой шейный платок), покрывавшую плечи, заколотую на шее и заправленную за передник; затем, вновь надев чепцы, подруги взяли корзины и приготовились чинно войти в город.

Еще один поворот — и взглядам девушек открылись островерхие красные крыши домов, сгрудившихся почти у подножия холма, по которому они шли. Яркое осеннее солнце придавало черепице оттенок пламени, а вот оку-

тывавшие узкие улочки тени становились еще гуще. Распожившаяся в устье реки тесная гавань была переполнена всевозможными маленькими судами — причудливый лес из мачт, а за гаванью раскинулось море — залитая солнцем сапфировая гладь, лишь изредка нарушаемая рябью и протянувшаяся на многие лье к горизонту, где она сливалась с нежной лазурью небосвода. Гладь эта была усеяна десятками рыбацких лодок под белыми парусами, которые казались неподвижными, если вы не определяли их положение с помощью какого-нибудь ориентира; и все же, несмотря на внешнюю неподвижность, тишину и отдаленность, осознание того, что на борту каждой из этих лодок были люди, забрасывавшие сети на огромную глубину, делало их вид странно завораживающим. У речной отмели стояло судно побольше. Совсем недавно поселившаяся в этих краях Сильвия смотрела на него с таким же безмолвным интересом, как и на остальные; а вот Молли, едва завидев его, громко воскликнула:

— Это китобоец! Китобоец, вернувшийся из Гренландского моря! Первый за сезон! Благослови его Бог!

Развернувшись, она восторженно сжала руки Сильвии. Та залилась румянцем, и ее глаза понимающе сверкнули.

— Неужто правда? — спросила девушка.

У нее тоже перехватило дыхание; Сильвия не умела отличить один корабль от другого, однако ей было известно, что китобойцы вызывают у всех самый оживленный интерес.

— Три часа! А прилива не будет до пяти! — сказала Молли. — Если мы поспешим, то успеем продать яйца и доберемся до причала еще до того, как корабль войдет в порт. Пошевеливайся, девонька!

Они почти сбежали по длинному крутому склону. Почти, потому что, если бы подруги помчались во весь опор, большая часть аккуратно уложенных яиц разбилась бы. Оказавшись внизу, девушки вышли на длинную узкую

улицу, петлявшую вдоль реки. Им ужасно не хотелось идти на рынок, располагавшийся на пересечении Бридж-стрит и Хай-стрит. Там стоял старый каменный крест, давным-давно установленный монахами; потрескавшийся и разбитый, он уже не воспринимался как священный символ и был известен в городе лишь как Масляный крест, у которого по средам собирались торговки и городской глашатай возвещал о продаже домов, потерях и находках, неизменно начиная свою речь возгласом «О да! О да! О да!» и заканчивая ее фразой «Боже, храни короля и лорда этого имения!», сопровождавшейся очень бодрым «аминь», после чего глашатай удалялся, сняв ливрею, чьи цвета выдавали в нем слугу Барнеби, семейства, обладавшего в Монксхэйвене помещичьими правами.

Разумеется, оживленный перекресток у Масляного креста был любимым местом торговцев, и в такой славный рыночный день, когда хорошие хозяйки начинали запасаться одеялами и фланелью, по ходу дела вспоминая и о прочих потребностях, в лавках была куча покупателей. Однако сегодня там было даже более пустынно, чем в обычные дни. На низких трехногих табуретах, сдаваемых за пенни в час торговкам, не успевшим занять место на ступенях, также никто не сидел; некоторые из табуретов были перевернуты, так, словно люди в спешке покинули перекресток.

Молли смекнула все с первого взгляда, хоть у нее и не было времени объяснять свои действия Сильвии, и стрелой метнулась в магазин на углу.

— Китобои возвращаются! У отмели стоит корабль!

Ее слова прозвучали как утверждение, однако во взволнованном голосе Молли слышался вопрос.

— Ага! — отозвался хромоногий старик, чинивший рыболовные сети за грубым сосновым прилавком. — Рано возвращаются, и, как я слыхал, с хорошими вестями от остальных. В былые деньки я бы сам махал им шляпой с причала, но теперь Господу угодно, чтобы я сидел дома и чинил чу-

жие вещички. Видала, девушка, сколько они мне принесли корзин и прочего добра, перед тем как побежать на берег? Оставь и ты свои яйца и сбегай поглазей, а то вдруг тебя в старости паралич разобьет и ты будешь горевать о том, что упустила в юности? А, ладно! Кому нужны мои нравоучения? Надо бы найти хромого вроде меня и читать проповеди ему. Не священник я, чай, чтобы меня все слушали.

Старик осторожно отставил корзины в сторону, ни на мгновение не прекращая болтовню, обращенную большей частью к себе самому. Затем, вздохнув пару раз, он взял себя в руки и, напевая под нос, вернулся к унылой работе.

К тому времени Молли и Сильвия уже бежали по причалу. Они неслись со всех ног, не обращая внимания на колотье в боку, — мчались вдоль берега реки, туда, где собирались люди. До гавани от Масляного креста было недалеко, и через пять минут запыхавшиеся девушки уже стояли в месте, откуда можно было видеть море, не углубляясь в толпу; впрочем, толпа продолжала увеличиваться, и вскоре вновь прибывшие окружили и их. Все взгляды были устремлены на корабль, покачивавшийся на якоре прямо у отмели, менее чем в четверти мили от причала. Акцизный чиновник только что поднялся на борт, чтобы получить у капитана отчет о грузе и осмотреть его. Люди, отвезшие его туда на лодке, уже гребли обратно к берегу с новостями; лодка причалила чуть поодаль от толпы, и собравшиеся все как один ринулись к ней, желая услышать рассказ. Вцепившись в руку более взрослой и опытной Молли, Сильвия с открытым ртом слушала ответы, которые ее подруге давал угрюмый старый моряк, оказавшийся рядом с ними.

— «Решимость», монксхэйвенский корабль! — отозвался он с таким возмущением, словно ответ был очевиден даже гусю.

— Славная «Решимость»! Воистину благословенный корабль! — раздалось у локтя Мэри щебетание какой-то старушки. — Она привезла домой моего единственного

сыночка — он велел молодому лодочнику сообщить мне, что с ним все в порядке. «Передай Пегги Кристисон, — сказал он (меня зовут Маргарет¹ Кристисон). — Передай Пегги Кристисон, что ее сын Езекия жив и здоров». Слава тебе, Господи! А я-то, вдова, уж и не чаяла вновь увидеть своего мальчишка!

Казалось, в тот полный радости час все разделяли чувства друг друга.

— Прошу прощенья, но, если бы вы чуток подвинулись, я бы подняла своего малыша, чтобы он увидел папкин корабль, а мой господин, быть может, увидел его. В прошлый вторник нашему сыну исполнилось четыре месяца, а отец еще ни разу его не видал. У малыша уже и первый зубик прорезался, и второй вот-вот появится, благослови его Боже!

Перед Молли и Сильвией стояли двое богатых монкскхэйвенцев, и когда они по просьбе молодой матери подвинулись, девушкам удалось услышать кое-что из произнесенного ими: эти судовладельцы обсуждали сказанное лодочниками.

— Хейнс говорит, что они отправят на берег судовой манифест минут через двадцать, как только Фишберн осмотрит бочки. Говорит, что только восемь китов.

— Пока не увидим манифест, точно сказать нельзя, — ответил другой.

— Боюсь, он прав. А вот со «Счастливого случая» новости хорошие. Он сейчас у мыса Сент-Эббс-Хед² и везет пятнадцать китов.

— Узнаем, сколько в этом правды, когда он приплывет.

— Приплывет он к завтрашнему приливу.

— Это корабль моего кузена, — сказала Молли Сильвии. — Он — главный гарпунер на «Счастливом случае».

¹ Пегги — уменьшительная форма имени Маргарет.

² Скалистый мыс, названный в честь жившей в VII веке аббатисы Эббе Коддингемской; расположен у рыбацкой деревушки Сент-Эббс в графстве Бервикшир, Шотландия.

Какой-то старик коснулся ее плеча.

— Покорно прошу простить мои манеры, миссис, но я слеп как крот; мой паренек на борту того судна у отмени, а моя старуха не встает с постели. Как думаете, долго ли им еще плыть до гавани? Если недолго, я схожу домой и сообщу обо всем своей женушке, а то как бы она чего не подумала, зная, что он так близко. Могу ли я вас спросить, виднеется ли еще из-под воды Сгорбленный Негр?

Встав на цыпочки, Молли стала высматривать носивший это имя черный риф, но Сильвия, наклонившись и глядя сквозь движущуюся толпу, заметила его первым и сообщила об этом слепому старику.

— Кто у котелка стоит, у того он не кипит, — произнес тот. — Сегодня этот камень все никак не хотел уходить под воду. Как бы там ни было, а я успею сходить домой и побранить свою женушку за то, что она волновалась, ведь уверен, что так и было, хоть я и говорил ей не тревожиться, успокоиться и расслабиться.

— Нам тоже пора, — сказала Молли, когда толпа расступилась, чтобы пропустить шедшего наощупь старика. — Нам все еще нужно продать яйца и масло и купить плащ.

— Да уж, пора! — произнесла Сильвия с заметным сожалением в голосе.

Всю дорогу до Монксхэйвена ее мысли занимала покупка плаща, однако у этой девушки была впечатлительная душа, быстро проникающаяся общим настроением, и теперь, пусть Сильвия и не знала никого из команды «Решимости», ей хотелось увидеть корабль входящим в гавань так же сильно, как и тем из собравшихся, у кого на борту этого судна были близкие. Развернувшись, девушка с неохотой последовала за рассудительной Молли, зашагавшей по причалу к Масляному кресту.

В городе было очень красиво, но все слишком привыкли к этой картине, чтобы ее замечать. Солнце опустилось уже достаточно низко, превратив туман, клубившийся вдалеке

над рекой, в золотую дымку. С обеих сторон Ди один за другим тянулись поросшие вереском холмы; те, что поближе, были красновато-коричневыми с бледно-зелеными вкраплениями; более отдаленные казались серыми и тусклыми на фоне яркого осеннего неба. Дома с крышами из волнистой красной черепицы в беспорядке сгрудились на одном берегу, в то время как новый пригород, выстроенный в более упорядоченной, но менее живописной манере, стоял на другом. Вода в реке продолжала прибывать из-за начавшегося прилива, и вскоре она уже начала окатывать причал у самых ног собравшейся толпы; огромные морские волны становились все ближе. Пристань была устлана придававшей ей неопрятный вид блестящей рыбьей чешуей, поскольку улов чистили прямо под открытым небом, а правил, касавшихся уборки отходов, в городе не существовало.

Свежий соленый бриз продолжал гнать приливные волны по синему морю, расстилавшемуся за отмелью. За спинами уходивших с причала девушек на воде покачивался корабль с белыми парусами; казалось, он был живым существом, которому всей душой хотелось сняться с якоря.

Можно себе представить, с каким нетерпением в тот миг бились сердца членов его команды и сколь невыносимой была задержка для ждавших на берегу, если вспомнить, что моряки шесть долгих месяцев летнего сезона не получали ни единой весточки от тех, кого любили, ведь от жадных взглядов возлюбленных, друзей, жен и матерей их отделяли опасные и мрачные арктические моря. Никто не знал, что могло произойти. Толпа на берегу погружилась в торжественное молчание, охваченная страхом перед возможными вестями о смерти, страхом, который, принесенный волнами прилива, тяжким грузом лег на сердца этих людей. К берегам Гренландии китобойные суда отправлялись с сильными, полными надежды людьми; однако их команды никогда не возвращались в том же составе, в каком вышли в море. На суше среди

двух-трех сотен человек каждые полгода кто-нибудь да умирал. Чьи же кости остались чернеть на жутких серых айсбергах? Кто будет лежать неподвижно, пока море не отдаст мертвецов? Кто уже никогда — никогда — не вернется в Монксхэйвен?

При виде первого китобойного судна, вернувшегося из плавания и ставшего у отмели, многие сердца исполнились необузданным, невыразимым ужасом.

Вот какое настроение царило в молчаливой, замершей толпе, когда Молли и Сильвия ее покинули. Однако, пройдя по причалу пятьдесят ярдов, подруги увидели с полдюжины раскрасневшихся растрепанных девчонок: те взирались на штабель древесины, заготовленной для сезона кораблестроения, и оттуда, словно с лестницы, обозревали гавань. Порывисто, развязно жестикулируя, они держались за руки и, покачиваясь и отбивая такт ногами, напевали:

Омут судно обойдет, обойдет, обойдет,
Омут судно обойдет, что любимого несет!

— Вы куда это собрались? — крикнули они двум подружкам. — Китобоец причалит минут через десять!

Не дожидаясь ответа, который, впрочем, так и не прозвучал, девчонки продолжили пение.

Старые моряки стояли маленькими группками, слишком гордые, чтобы продемонстрировать интерес к приключениям, участниками которых они больше не могли быть, однако совершенно неспособные притворяться, будто говорят о чем-то другом.

Городок казался очень тихим и пустынным, когда Молли и Сильвия вышли на неровную Бридж-стрит. Рынок был все таким же безлюдным, а вот корзины и трехногие табуреты исчезли.

— Рынок на сегодня закрыт, — произнесла Молли Корни с удивлением и разочарованием. — Нам нужно

поспешить и продать все лавочникам. Придется поторгаться, но не думаю, что матушка рассердится.

Они с Сильвией отправились в магазин на углу, чтобы забрать свои корзины. Увидев девушек, хозяин пошутил по поводу их задержки.

— Ай-яй-яй! Стоит девицам завидеть ухажеров, как цена на масло и яйца тотчас же перестает их волновать! Рискну предположить, что на том кораблике есть кто-то, кто дал бы целый шиллинг за фунт этого масла, знай он, кто его взбивал!

Слова эти были обращены к Сильвии, ведь именно ей старик вручил корзину.

Девушка, у которой и в мыслях ничего такого не было, надулась и, вздернув подбородок, едва удостоила хромого старика благодарностью за его любезность; она была в том возрасте, когда обижаются на любые шутки подобного рода. А вот Молли сказанное ничуть не задело. Напротив, ей понравились безосновательные подозрения, что у нее может быть ухажер, и мысль о том, что его на самом деле не было, удивила даже ее саму. Если бы ей, как Сильвии, представилась возможность купить новый плащ, вдруг у нее появился бы шанс! Но увя. Молли осталось лишь рассмеяться, покраснеть, притворившись, будто предположение о том, что у нее есть возлюбленный, недалеко от истины, и ответить хромому торговцу в том же духе:

— Ему понадобится больше денег, чтобы умаслить меня стать его женой!

Когда они вышли из лавки, Сильвия произнесла почти с мольбой:

— Молли, кто он? Кто тебя должен умаслить? Просто скажи, я никому не проболтаюсь!

Ее слова прозвучали так искренне, что Молли это озадачило. Ей не очень-то хотелось признаваться, что она намекала не на какого-то конкретного, а на вымышленно-

го ухажера, и она задумалась, какой молодой человек говорил ей самые красивые слова; список был не слишком длинным, ведь отец не мог обеспечить ее хорошим приданым, а сама она красотой не блистала. Внезапно Молли вспомнила кузена, главного гарпунера, подарившего ей две большие раковины, в благодарность за что она нехотя поцеловала его, прежде чем он вышел в море. Слегка улыбнувшись, девушка сказала:

— Ну не знаю... Нехорошо об этом болтать, не приняв окончательного решения. Коль Чарли Кинрейд будет со мной хорош, возможно, в дом ко мне он станет вхож!

— Чарли Кинрейд! Кто он?

— Тот самый главный гарпунер, кузен, о котором я говорила.

— Думаешь, ты ему небезразлична? — спросила Сильвия еле слышным, мягким голосом, так, словно речь шла о великой тайне.

— Говори потише, — был ответ.

Больше Молли не проронила ни слова, и Сильвия не смогла понять, оборвала ли она разговор, потому что обиделась, или же причиной всему было то, что они дошли до магазина, где можно было продать масло и яйца.

— Оставь-ка корзину мне, Сильвия, — произнесла Молли, — и я выручу за товар хорошую сумму; а ты пока выбери чудесный новый плащ, покуда не стемнело. Где ты будешь его покупать?

— Матушка сказала, что лучше всего у Фостеров, — ответила Сильвия с тенью досады на лице. — А батюшка сказал, что я могу сделать это где угодно.

— У Фостеров лучший магазин; да и заглянуть потом в другие тебе никто не возбраняет. Я буду у Фостеров через пять минут; вижу, нам нужно поспешить. Уже, наверное, пять часов.

Опустив голову, Сильвия зашагала к магазину Фостеров, расположенному на рынке.

Глава III

Покупка нового плаща

Магазин Фостеров был самым известным в Монксхэйвене. Он принадлежал двум уже успевшим состариться братьям-квакерам; до них магазином владел их отец, а до него, вероятно, — его отец. По воспоминаниям горожан, это был старомодный жилой дом; в пристроенном к первому этажу флигеле находился магазин с незастекленными окнами, которые с тех пор уже давно успели застеклить; по современным меркам окна эти показались бы очень маленькими, однако семьдесят лет назад их размеры вызывали всеобщее восхищение. Чтобы описать вид этого здания, лучше всего предложить вам представить себе лавку мясника с длинными оконными проемами, которые затем застеклили, вставив окна размером восемь на шесть дюймов в тяжелых деревянных рамах. По одному такому окну располагалось с каждой стороны от дверного проема, который днем прикрывала калитка высотой примерно в ярд. Одну половину магазина занимала бакалея, в другой торговали тканями, в том числе шелком и бархатом. Пожилые братья сердечно приветствовали завсегдатаев, пожимая многим из них руки и расспрашивая о семьях, домашних делах и работе. Свой магазин они не закрывали даже на Рождество, готовые самолично обслуживать клиентов вместо праздновавших помощников, вот только никто к ним в этот день не приходил. А на Новый год они всегда держали под прилавком огромный пирог и вино, предлагая угоститься каждому покупателю. И все же, несмотря на щепетильность, добрые братья всегда были не прочь купить контрабанду. В их дом к неприметной задней двери вела от реки тропинка, и, в ответ на условный стук, эту дверь откры-

Содержание

Глава I. Монксхэйвен.....	7
Глава II. Возвращение из Гренландии.....	19
Глава III. Покупка нового плаща.....	32
Глава IV. Филип Хепберн.....	47
Глава V. История вербовки.....	60
Глава VI. Похороны моряка.....	74
Глава VII. Тет-а-тет. Завещание.....	93
Глава VIII. Тяга и отвращение.....	109
Глава IX. Главный гарпунер.....	124
Глава X. Упрямая ученица.....	136
Глава XI. Видения будущего.....	148
Глава XII. Новый год.....	163
Глава XIII. Дилеммы.....	192
Глава XIV. Партнерство.....	205
Глава XV. Трудный вопрос.....	218
Глава XVI. Помолвка.....	233
Глава XVII. Отвергнутые предупреждения.....	245
Глава XVIII. Водоворот в потоке любви.....	262
Глава XIX. Важное задание.....	274
Глава XX. Любовь и потеря.....	282
Глава XXI. Отвергнутый ухажер.....	292
Глава XXII. Стущающиеся тени.....	300
Глава XXIII. Возмездие.....	311
Глава XXIV. Скоротечная радость.....	323
Глава XXV. Грядущие невзгоды.....	336
Глава XXVI. Мрачное бдение.....	354
Глава XXVII. Хмурые дни.....	368
Глава XXVIII. Тяжкое испытание.....	381
Глава XXIX. Свадебное платье.....	395
Глава XXX. Счастливые дни.....	412
Глава XXXI. Дурные предзнаменования.....	426
Глава XXXII. Спасенные из волн.....	437
Глава XXXIII. Призрак.....	450

Глава XXXIV. Безрассудный рекрут	462
Глава XXXV. Невыразимое	473
Глава XXXVI. Загадочные происшествия	483
Глава XXXVII. Утрата	499
Глава XXXVIII. Признание	510
Глава XXXIX. Секреты	523
Глава XL. Нежданная вестница	536
Глава XLI. В приюте Гроба Господня	544
Глава XLII. Ложное предание	557
Глава XLIII. Неизвестный	566
Глава XLIV. Первые слова	577
Глава XLV. Спасенная и потерянный	587

Літературно-художнє видання

ГАСКЕЛЛ Елізабет
Залицяльники Сильвії
Роман
(російською мовою)

Головний редактор С. І. Мозгова
Відповідальний за випуск К. В. Озерова
Редактор О. В. Пунько
Художній редактор Ю. О. Дзекунова
Технічний редактор В. Г. Євлахов
Коректор О. С. Калмикова

Підписано до друку 27.07.2021.
Формат 84х108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Lazurski». Ум. друк. арк. 31,92.
Наклад 2500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ГАСКЕЛЛ Элизабет
Поклонники Сильвии
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 27.07.2021.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 2500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

**Для оптовых клиентов
Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Англія, кінець XVIII століття.

Країна охоплена жахом через наростання військової могутності французів. Англійському флоту потрібні моряки. І Адміралтейство видає ордери на примусове вербування матросів. Молодих людей хапають просто на вулицях і зв'язаними доставляють на кораблі. У передвоєнному хаосі юна дочка фермера Сільвія закохується у вродливого матроса-гарпунника Чарлі Кінрейда, в той час як манірний і ідеальний у всьому Філіпп, кузен Сільвії, палає від нерозділеного кохання до неї. Любовний трикутник ранив гострими кутами. Але в життя героїв вдираються вербувальники, і рука великої історії калічить долі закоханих.

Гаскелл Е.

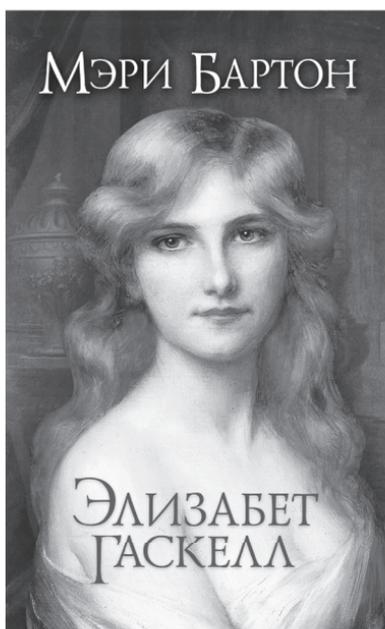
Г22 Поклонники Сильвии : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. А. Оржицкого. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 608 с.

ISBN 978-617-12-9079-2

Англия, конец XVIII века.

Страна охвачена ужасом из-за нарастающей военной мощи французов. Английскому флоту нужны моряки. И Адмиралтейство дает ордера на принудительную вербовку матросов. Молодых людей хватают прямо на улицах и связанными доставляют на корабли. В предвоенном хаосе юная дочь фермера Сильвия влюбляется в красивого матроса-гарпунщика Чарли Кинрейда, в то время как чопорный и идеальный во всем Филипп, кузен Сильвии, сгорает от неразделенной любви к ней. Любовный треугольник ранит острыми углами. Но в жизни героев врываются вербовщики, и рука большой истории калечит судьбы влюбленных.

УДК 821.111

Мэри Бартон — дочь манчестерского ткача. Она красива и ума, но бедна, как и вся ее семья. Девушка мечтает вырваться из нищеты. Ухаживания богатого Гарри Карсона приходится очень кстати. Желая выйти за него замуж, девушка отвергает влюбленного в нее Джема Уилсона, простого парня и друга детства. Казалось бы, сделанный выбор подарит Мэри счастье. Ее семья больше не будет нуждаться и получит уважение. Но внезапная трагическая смерть Гарри перечеркивает все. В убийстве юноши обвиняют Джема. Только Мэри может спасти его. И себя. Ведь лишь его она любила все это время...

Юная Руфь не была ни роковой красавицей, ни богачкой. Сирота, лишенная ласки и внимания, слишком наивная для этого мира интриг и обманов. Образец кротости и смирения, скромная и невинная Руфь привлекла богатого мистера Беллингема, подобно экзотической бабочке. Эдакая диковинка в душном обществе надменных аристократов. Но ухаживания и слова любви оказались обманом. Соблазненная и брошенная, Руфь узнает, что ждет ребенка...

